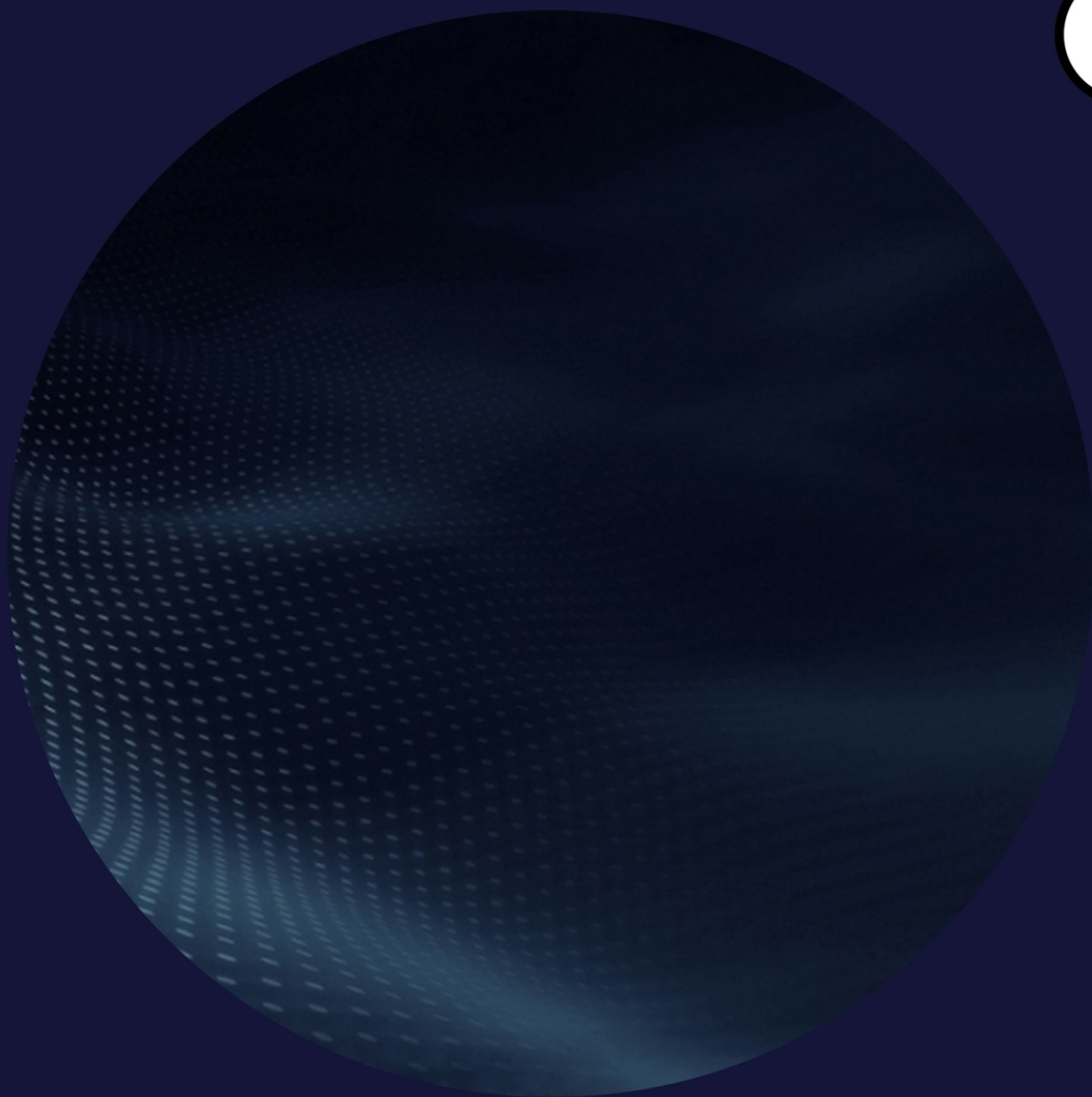

Павел Торанов

16+

Машинист

На пути к Победе

Павел Торанов

Машинист

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Торанов П.

Машинист / П. Торанов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-05727-2

В начале Великой Отечественной войны половина всех немецких авиабомб было сброшено на поезда и объекты железнодорожного транспорта. Враг прилагал все усилия для остановки снабжения войск Красной Армии. Война вынуждает нарушать правила вождения поездов. Это история машиниста, самоотверженно выполнявшего служебный долг. Во имя жизни, во имя любви, во имя победы.

ISBN 978-5-532-05727-2

© Торанов П., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1. Слет машинистов	6
Глава 2. Война началась	8
Глава 3. Передислокация	12
Глава 4. Возвращение домой	15
Глава 5. Старые товарищи	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Глубоко убежден, что железные дороги необходимы для России, что они, можно сказать, выдуманы для нее более, нежели для какой-либо другой страны... Сеть железных дорог произведет такое изменение, что через несколько лет вы не узнаете нашего отечества...

*Первый министр путей сообщения России
Павел Петрович Мельников
(1804—1880)*

Глава 1. Слет машинистов

Впервые в России в октябре 2006 года состоялся первый слет машинистов. В Центральном доме культуры железнодорожников собрались лучшие работники локомотивного хозяйства со всех железных дорог необъятной страны, более 400 человек. Что касается железнодорожников, они чтят традиции, с уважением относятся к старшему поколению, поэтому на любом мероприятии широкого профиля всегда присутствуют ветераны.

В этот период времени шел первый этап реформы преобразования министерства путей сообщения в открытое акционерное общество «Российские железные дороги», и данный слет был нужен для внесения корректировок в выбранную стратегию компании. С приветственной речью к собравшимся обратился президент компании, который с первых слов озвучил цель данного собрания – принятие решения о необходимости определения принципиальной оценки ситуации, сложившейся в локомотивном хозяйстве, и выборе необходимых рекомендаций для тех, кому сегодня и в будущем доверено управлять локомотивом за правым крылом. Доклад президента компании шел продолжительное время, после выступали начальники инфраструктур. По прочтении докладов слово предоставили ветеранам, чьи мудрость и жизненный опыт, накопленный за долгие годы, патриотизм и вера в свое дело служат надежной опорой в решении актуальных вопросов.

Выступало порядка пяти человек. В основном рассказывали случаи из жизни, шутили, зал поддерживал веселое настроение смехом. Но слова одного ветерана, который выступал в заключение вечера, были весьма серьезны и звучали как напутствие молодым. К трибуне подошел седовласый старик в форме. Такую форму носили сотрудники локомотивных бригад в 1980-е годы. Он осмотрел зал и задержал свой взгляд на секторе, где сидели молодые машинисты.

– Меня зовут Климов Алексей Федорович. Я работал в должности машиниста с 1942 по 1983 год. Довелось поработать в разное время, и мирное, и военное, но всегда для локомотивщика незыблем один закон: выехал на перегон – рассчитывай на себя. Только от локомотивной бригады зависит, доедет поезд до станции или нет. И начинается все в депо при приемке локомотива. Есть такая поговорка: «Как примешь локомотив, так и поедешь». Выработывайте правильное отношение к технике, локомотив – будь то паровоз, тепловоз, электровоз, неважно – он всегда подскажет, что его беспокоит. По звуку, по запаху нужно уметь определять, а лучше предотвращать неисправность, вовремя сбросив нагрузку или затянув определенную гайку. В пути всякое может случиться: погаснет автоблокировка, вылезет неисправность в тепловозе – и только на собственные знания можно положиться, чтобы доехать до станции назначения. Постоянная учеба и поддержание технических знаний на уровне – это неотъемлемая часть работы машиниста. Да, мы с вами перевозим грузы, перевозим пассажиров, то есть мы работаем для людей, работаем для их блага, а значит, наше дело правое. Благодарю за внимание.

После всех выступлений наступил перерыв, и некоторые из присутствующих направились в буфет перекусить, попить чаю. У стены за столиком сидел тот самый старик. Взяв чашку чая, молодой машинист Владислав Синицын подошел к его столику.

– У вас свободно? – спросил Владислав.

– Да, конечно, – сказал Алексей Федорович.

– Хорошая речь, – присаживаясь, сказал Владислав.

– Ну, если тебе понравилось, значит, ты со мной согласен, – улыбнулся старик.

Владислав стал пить чай, не зная, с чего начать разговор. У него как у любителя истории транспорта было много вопросов, и важно было знать, как работали люди, как работала железная дорога в годы Великой Отечественной войны. Тем более что представился редкий случай поговорить с непосредственным участником событий тех непростых лет. Но помнит

ли этот старик о чем-либо, сможет ли поведать о тех временах? Много мыслей пробежало у Владислава в голове, и поэтому некоторое время они сидели за столом молча, попивая чай. И наконец Владислав начал разговор.

– Говорят, что жизнь – это не те дни, что прожиты, а те, что запомнились. Вы согласны с этим? – спросил он, настороженно смотря на старика.

– Да, редкая по красоте мысль, – кивнул одобрительно старик. – Но я согласен.

– Вы знаете, я работаю машинистом около девяти лет. И особенно ярко помнится моя первая самостоятельная поездка. Вызвали в поездку меня днем, август месяц, сильно тогда солнце пекло. Тепловоз серии 2ТЭ10М (по-простому – Машку) принимали из депо. И вот залезли мы на него, а все полы улиты маслом, не пройти. Ну, мы с помощником вытерли все, поехали на станцию, взяли поезд, отправились. Едим на подъем, скорость падает, ток растет, переходы не выключаются. Я не глядя вручную выключаю их, да вот только тумблер перепутал и отключил управление тепловозом. В результате обе секции тепловоза сбрасывают нагрузку, я только обернулся, а помощник был уже в дизельном помещении, пытался выяснить, в чем неисправность. Когда осмотрелся, я понял, что произошло. Эх, сильно нам тогда пришлось затянуться на перегоне. А вы помните свою первую поездку?

– Поминутно, – без колебаний ответил старик.

– Ну как такое возможно? – с удивлением спросил Владислав.

– Мне за нее «Героя» дали, – спокойно ответил Алексей Федорович. – Ты запомнил свою поездку по ярким событиям: масло на полу, сброс нагрузки на подъеме. Но ты можешь себе представить, что каждая минута может быть насыщенной и остаться в памяти навсегда.

– Расскажите мне, время пока есть, – с надеждой взглянув на часы, стал уговаривать старика Владислав. – Расскажите про свою первую поездку.

– Если подумать, полностью о ней я никому и не рассказывал. Так, только определенные моменты, когда случай располагал. – Старик вдумчиво посмотрел на молодого парня и продолжил: – С чего бы начать? Пожалуй, стоит с начала.

Глава 2. Война началась

В то время хозяином стальной магистрали был паровоз, в парке локомотивного депо «Саратов» состояли разные локомотивы, но преимущественно – серии Э. Очень надежный, неприхотливый паровоз, предназначен для перевозки грузов. Относительно прост в обслуживании, топился как углем, так и дровами, одним словом, настоящая рабочая лошадка.

Летом 41-го Алексей работал помощником машиниста паровоза, но у него уже были права на управление паровозом. Он проходил закатку на прилежащие плечи локомотивного депо. Это Саратов – Ртищево, Саратов – Урбах. Ездили в основном в Ртищево, уже в то время это был один из самых крупных и загруженных железнодорожных узлов. Зачастую приходилось стоять по пять часов у входного светофора, пока станция тебя примет. Значение этого узла в период войны трудно переоценить. Впоследствии генерал-фельдмаршал Паулюс в своих дневниках напишет: «Считаю ошибкой немецкого командования, что своевременно, в начале войны, не был выведен из строя ртищевский железнодорожный узел, имеющий большое стратегическое значение».

Больше всего Алексею нравилось прибывать на свою станцию, в город Саратов. Прибывая, он всегда подавал один и тот же сигнал: громким гудком (тифоном) три длинных и свистком три коротких. Его девушка Катя работала в товарной конторе по обработке поездных документов и в свою смену всегда выходила встречать Алексея, услышав сигнал. Да чего же это было здорово, когда после короткого расставания, проведенного в поездке, казавшейся вечностью, встречаются влюбленные сердца.

Встречался он с ней чуть меньше года и все выбирал день, чтобы сделать ей предложение. У него хранилось кольцо его бабушки, которое та отдала ему по завершении учебы в железнодорожном техникуме со словами: «Ну вот, теперь и жениться можно, держи фамильное, подаришь своей избраннице».

После техникума Алексей три года работал на железной дороге – год кочегаром и два – помощником машиниста. Руководство депо направило его в дорожно-техническую школу обучаться на должность машиниста, но наступил осенний призыв, и в силу своего возраста Алексей пошел служить в армию. По завершении трехлетней службы он вновь устроился в свое депо помощником машиниста. И его сразу отправили учиться на машиниста паровоза. Наверное, время было такое – работы много, кадров не хватало. Именно в этот период он и познакомился с Катей.

И вот этот день настал, утро было теплым и солнечным. Подгадав выходной Катерины, Алексей пораньше, когда она спала, положил ей в почтовый ящик маленький букетик цветов с запиской: «Жду в парке в 12:00». И случайно он встретился с ее отцом, который спешил на работу. Очень серьезный, но справедливый дядька. Общался он с Алексеем мало и сдержанно. Еще бы, начальник вокзала, величина.

– Это Кате, – глядя на букет, пробормотал себе под нос Алексей.

– Хорошо. Она пока спит, – сказал Петр Матвеевич, спускаясь вниз по лестнице.

В парк Алексей пришел в одиннадцать. Сел на их любимую скамейку и стал репетировать речь. Из граммофона лилась красивая музыка, какой-то вальс. Благоухали цветы, продавщица зазывала купить мороженое, гуляли люди. И вдруг он увидел ее. Сердце замерло, и все мысли унесло теплым июньским ветром, как будто это прекрасная незнакомка и ему придется с ней заговорить. На ней было белое ситцевое платье с синими кружевами, а в волосы вплетена лента в тон им.

– Здравствуй, Катя, – встав со скамейки, сказал Алексей.

Она быстро оглянулась, чтобы убедиться, что на них никто не смотрит, потом молча обняла и поцеловала, смущенно опустив глаза вниз.

– Какой красивый букет, – вдыхая аромат, сказала Катя.

– Ты знаешь, у меня к тебе важный вопрос, – сказал с волнением Алексей, ища кольцо в кармане. – Я тебя очень люблю, и, думаю, время пришло...

И только он сжал кольцо в кулаке, чтобы достать, музыка внезапно прекратилась и, словно гром среди ясного неба, раздалось сообщение:

– Сегодня, в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие... Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством...

Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу...

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства...

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Все вокруг словно замерло. Они смотрели друг на друга, не зная, как реагировать. Катя неуверенно, с дрожью в голосе спросила:

– Что же теперь будет?

Алексей взял ее за руку, крепко сжав, посмотрел в ее испуганные глаза и сказал:

– Пойдем.

Они пошли на остановку. Нужно было добраться до депо. В тот момент многие граждане пошли на свои предприятия, потому что там знают больше. Так же и рассуждал Алексей. И он был прав. Приехав в депо, он увидел своих коллег. Несмотря на выходной день, собрались сотни людей, пришли не только свободные от работы сотрудники локомотивных бригад и слесари, но и их жены, пенсионеры. Люди были очень взволнованы, говорили о том, кто что слышал. Начался митинг. Выступало начальство и некоторые из рабочих. Говорили многие, по делу и просто так, но Алексей запомнил слова Егора Васильевича, машиниста-пенсионера, которому было 73 года: «Я выступать не умею, а работать еще могу, прошу направить меня куда потребуется...»

После собрания Алексей проводил Катю до дома. Они долго стояли во дворе, о чем-то разговаривая.

В следующие дни началась всеобщая мобилизация. Много людей были призваны, многие шли добровольцами. Железная дорога всегда была стратегическим объектом, особенно в военное время. У работников, связанных напрямую с перевозками, была броня, то есть паровозные бригады не подлежали призыву.

Работая в последующие недели, Алексей много размышлял, где его место, в будке паровоза или на передовой с оружием в руках. Каждый раз после поездки он заходил в военкомат, подавал прошение о призыве, но постоянно получал отказ. Железнодорожная броня делала свое дело.

– Конечно, перевозки – дело важное, но враг наступает. К тому же много пенсионеров вышло работать в поезда, – говорил Алексей своему машинисту Иванычу.

– У нас сильная армия, немец далеко не пойдет, – постоянно успокаивал Иваныч.

– Да, но почему мы отступаем и терпим поражение? – отвечал Алексей ему в ответ.

– Мы были не готовы к такой подлости. Скоро все изменится, – твердо говорил Иваныч.

– Надеюсь, – с недоверием отвечал Алексей. А сам думал лишь об одном – надо на фронт.

По завершении очередной поездки Алексей шел домой, купив в лавке газету, чтоб ознакомиться с последними новостями. Погрузившись в свои мысли, незаметно для себя он добрел

до городского военкомата. Там постоянно толпились люди, шел набор. Остановившись, он стал наблюдать за происходящим. Как вдруг его кто-то окликнул.

– Клим! Лешка Климов! – продолжали звать из толпы.

Алексей оглянулся, но не мог понять, кто зовет. К нему подошел капитан, голова перебинтована, рука на повязке держится на уровне груди. Всмотревшись, Алексей понял: это бывший командир роты.

– Здравия желаю, – сказал бодро Алексей.

– Здорово, здорово, брат! – радостно ответил капитан и протянул левую руку, чтобы поздороваться, так как правая была перебинтована. На лице появилась еле уловимая улыбка, глаза заблестели, потому что он увидел родственную душу.

– Как вы здесь, товарищ капитан? – с интересом спросил Алексей.

– Новобранцев набираю, – сухо ответил капитан и отвел взгляд в сторону. – Получил ранение, пока не поправился, вот, нашли работенку, – показывая раненую руку, сказал капитан. – Клим, такое творится, враг семимильными шагами идет вперед, людей много, а толку? Новое пополнение, необстрелянные пацаны, и времени на обучение нет. Здесь вот набираю новый призыв. Ну а ты как, добился чего хотел?

– Да, закатка подходит к завершению, жду приказа на назначение в должность машиниста.

– Закатка? – не совсем понимая, спросил капитан.

– Это обучение вождению поездов на определенных участках железной дороги, – объяснял Клим, раскрывая суть профессионального термина.

– Мы же с тобой через многое прошли, – смотря в глаза Алексею, говорил капитан. – Бойцы с такими навыками нужны стране на фронте. Ты мне нужен!

– Я все понимаю, – опустил голову, сказал Алексей. – Но уже устал заваливать военкомат прошениями о призыве. Все не так просто, у меня броня, я железнодорожник, да вы и сами знаете.

– Ты забыл, в каком подразделении я служу и какие у него полномочия. Немец на Москву нацелен. – Взгляд капитана помрачнел, появилось раздражение. Он достал папироску, нервно стуча по карманам в поисках спичек. Алексей достал свои, помог прикурить. – Ладно, Клим, сейчас занят, дела, сам понимаешь. Завтра отправление в семь утра от военкомата. Надумаешь – бери документы и приходи, остальное все оформлю.

Капитан похлопал его по плечу, развернулся и пошел в здание. Алексей, постояв немного, своей дорогой побрел домой.

Соображать трудно, сказывалась усталость после работы, нужен отдых. Придя домой, помывшись, поев, Алексей лег спать. Проснулся часов в восемь вечера. Первая мысль, которая пришла, – надо поговорить с Катей. Надевая выходной костюм, он что-то нащупал в кармане. Это было кольцо – то самое, которое предназначалось его любимой. Посмотрев на него, он убрал кольцо в шкатулку, которая стояла в серванте. Он понятие не имел, что сказать Кате. Она знала о всех его размышлениях и походах в военкомат, ему хотелось верить, что она все поймет. В последнее время Алексей перестал сигналить, прибывая на станцию, да и не до этого было, но, как ни странно, Катя словно чувствовала, что приезжает именно он, а может быть, она встречала каждый поезд.

Подойдя к двери ее квартиры, Алексей хотел нажать на кнопку звонка, но что-то остановило его. Постояв пару минут, смотря в одну точку, он развернулся, вышел из подъезда и вдруг услышал позади себя голос.

– Леша, Леша! – кричала вслед ему Катя, второпях выбегая на улицу, и вид у нее был весьма взволнованный. Алексей обернулся, и она, подбежав, тут же обняла его. – Что случилось, ты почему не зашел? – начала она его расспрашивать.

– Завтра я уйду на фронт, – отведя взгляд в сторону, сказал Алексей, словно выдавив эти слова из себя.

– Значит, добился своего, – с упреком произнесла Катерина. – Ты думаешь, я не знаю, что все свободное от работы время ты не вылезаешь из военкомата? Года не прошло, как из армии вернулся, – и опять в бой. Леш, ну куда тебя несет? Не навоевался еще?

– Дело в другом – я просто умею это делать, – пытался объяснить Алексей.

– Ты и поезда умеешь водить, это тоже важно. Отец говорил, что скоро машинистом самостоятельно поедешь.

– Петр Матвеевич беспокоится о моих делах? – удивился Алексей.

– Конечно, он о тебе беспокоится – как о будущим зяте. Да, он строг и немногословен, но к тебе он относится с уважением. Я не понимаю, что с тобой происходит и почему ты перестал сигналить, возвращаясь на станцию. Ведь твои гудки для меня – это как признание в любви. Сейчас всем тяжело, но зачем же уходить от любимых людей?

– Чтобы к моим дорогим людям не добрался враг, – твердо ответил Алексей. – Я все уже решил. Помнишь, тогда, в парке, я хотел задать тебе вопрос...

– Задашь, когда вернешься, – перебила его Катя и крепко прижалась к груди. – Лешка, вернись ко мне.

На этой понимающей ноте они расстались. Алексей сразу направился к себе на предприятие. В депо у нарядчика он оставил заявление и на выходе в дверях случайно встретил своего машиниста – Иваныча.

– Завтра сформируют с новым помощником, – сказал Алексей. – Мое прошение на фронт удовлетворили.

– Надеюсь, ты все обдумал, – сказал Иваныч. – Бросаешь важное дело, сам знаешь, сколько времени и труда нужно, чтобы подготовить машиниста.

– Я там нужнее, – непоколебимо ответил Алексей.

– Сейчас люди везде нужны. Не только армия, народ воюет. Надеюсь, ты когда-нибудь это поймешь. Удачи тебе, Леха, – приобняв, произнес Иваныч и пошел к нарядчику сдавать какие-то документы. Видно, забыл оформить что-то после поездки.

Утром следующего дня, около семи часов, Алексей стоял возле военкомата, придерживая рукой привычный армейский вещмешок, перекинутый через плечо, в котором было собрано все необходимое для солдата. Производилась посадка людей в машины. Капитан, бывший командир его роты по срочной службе, четко знал свое дело. Он подготовил все необходимые документы и был уверен, что Алексей явится в срок.

– Местечко есть, товарищ капитан? – коротко спросил Алексей.

– Тебе найдется, – улыбнувшись, ответил капитан. – Не сомневался, что приедешь, запрос еще вчера в депо отправил, можешь воевать спокойно.

Алексей и еще много молодых людей погрузились на машины, которые повезли их на вокзал. Там шла посадка на эшелон. Точно никто не знал, куда направятся. Знали одно: ехали на войну.

Глава 3. Передислокация

Калининский фронт, пять километров от Ржева, неподалеку от разрушенной в ходе боев деревни Полунино, 28 августа 1942 года. На фронтовую полосу вечером прибыл военный «пазик», из которого вышел сотрудник НКВД. Развозя ногами мокрую после недавно пройденного дождя землю, направился в штаб. Подойдя к караульному, сказал:

– Боец, доложи начальству: прибыл капитан госбезопасности.

Солдат кротко бросил взгляд на него, открыв деверь в блиндаж, громким голосом произнес:

– Разрешите, товарищ полковник.

– Чего тебе, Савченко? – сказал полковник усталым голосом, всматриваясь в карту местности, на которой не стихали бои.

– К вам капитан госбезопасности.

Взгляд полковника резко поменялся, стал настороженным и недоверчивым.

– Пусть войдет, – сухо произнес полковник.

Капитан, войдя в блиндаж, на секунду осмотрелся, подойдя к полковнику, представился:

– Капитан госбезопасности Самойлов.

– Полковник Травин, присаживайтесь, – глядя на стул у стола, предложил полковник. – Чем обязан, капитан, что привело вас сюда? – с большим интересом продолжил Травин.

Открывая планшет, капитан госбезопасности отвечал:

– Государственный Комитет Обороны 3 января 1942 года принял постановление за номером 1095 «О восстановлении железных дорог». Согласно ему железнодорожные войска передаются в оперативное подчинение НКПС, создаются специальные формирования, задача которых – проведение восстановительной и эксплуатационной работы в непосредственной близости от фронта. Комплектовка таких формирований производится военными отделами железных дорог, туда зачисляются не только кадровые железнодорожники, но и выпускники транспортных институтов, техникумов, школ. В связи с вводом новой железнодорожной ветки на Сталинград в эксплуатационных депо, обслуживающих данный путь, сложилась непростая ситуация, острый дефицит кадров. На основании этого постановления у меня приказ о передислокации следующих лиц.

Он протянул запечатанный конверт со штампом и подписью командующего фронтом генерала-полковника Конева И. С.

Вскрыв конверт, полковник начал читать про себя.

– Савченко, – крикнул полковник, смотря на дверь.

– Я, товарищ полковник, – бойко произнес караульный, открыв дверь.

– Штабного писаря ко мне, живо!

– Есть.

Дверь захлопнулась, а полковник, закулив сигарету, смотря на капитана, произнес:

– Ну что, капитан, чайку с дороги?

Через пять минут прибежал писарь, запыханным голосом обратился:

– Разрешите войти, товарищ полковник!

– Вот, Кармелюк, тебе приказ, – он протянул распечатанный конверт писарю. – Нужны сведения о солдатах с нижеперечисленными фамилиями – где, в какой роте, взвод, ну и так далее, не тебе объяснять, – полковник задумался на секунду и добавил: – Да, как список составишь, зови ротных, сразу до них приказ и доведем.

Прошло около часа, тихо скрипнув, открылась дверь, в блиндаж зашел майор и спокойно обратился:

– Разрешите, товарищ полковник.

– А, Леденев, заходи. Ну, разведка, как всегда, раньше всех. Вот, капитан госбезопасности Самойлов привез приказ о передислокации бойцов, сейчас других ротных дождемся...

– Других не нужно, – перебил Леденев. – Писарь отчет составил о бойцах.

– И что? – настороженно спросил полковник.

– Все мертвы. Три дня назад в очередной атаке, видно, списки до штаба армии еще не дошли. Все, кроме одного.

– И кто же...

– Климов, товарищ полковник.

– А что не позвал с собой? Поговорить надо.

– Сержант Климов на задании, разведгруппа ушла более суток назад, ожидаем.

– Понятно, – слегка поникнув, промолвил полковник. – По возвращении бойца ознакомить с приказом и передать в распоряжение капитана госбезопасности.

Всю ночь до утренней зорьки Леденев простоял в окопе на передовой. Как только начало светать, он принялся осматривать местность в бинокль.

– Что-то не так? – спросил подошедший капитан госбезопасности.

– Да, должны были вернуться ночью в два часа.

– Похоже, отсюда я уеду пустым, – произнес себе под нос капитан.

– Ты, капитан, не спеши. Клим вернется, я не сомневаюсь.

– Что, хороший боец?

– Я тебе так скажу, капитан: любого бы отдал, его оставил. Парень взвода стоит, лично меня от смерти спасал и ни раз. Такие на фронте нужны.

– Там тоже фронт, – кратко произнес капитан. – Какой бы сильной и обученной ни была армия, отстреляет снаряды, израсходует вооружение, и все... Ты, майор, как думаешь, почему Москву отстояли? Одной храбростью и умением воевать? А новые дивизии, танки, вооружение, появившиеся из ниоткуда? Поезда с Дальнего Востока и Сибири с курьерской скоростью, менее чем за шесть суток, все доставили. И это сделали наши железнодорожники. Стало абсолютно ясно, что одно из ключевых мест в войне принадлежит железнодорожному транспорту. Сейчас основное поле войны меняется. Немец рвется к бакинской нефти, только один очаг противостояния стоит на его пути – это Сталинград. Все решится там. Подъездные пути, железнодорожные линии, станции постоянно бомбит вражеская авиация, но и в таких условиях нужно водить поезда. Остановится снабжение – все равно что кровь перестанет течь по венам, а значит – смерть. И в ставке командования это прекрасно понимают. Если твой боец настолько хорош, значит, ему туда дорога, значит, он там нужнее.

– Клим у меня в роте проходил срочную службу в разведбате, я еще тогда в звании капитана был. А в августе 1941-го я его случайно в Саратове встретил в военкомате при наборе пополнения. Он доброволец, от брони отказался, стремясь с оружием защищать Родину, а сейчас вы его отзываете. Я не думаю, что он поймет это просто.

– Здесь не я, не ты и не он решают. Решает командование, – отрезал капитан.

Их беседа была прервана внезапно показавшимся вдалеке силуэтом. Вглядевшись в бинокль, Леденев произнес:

– Клим!

Солдат бежал, неся на плечах раненого товарища.

– Держись, Серега, наши позиции, – сквозь зубы с усталостью произнес Клим.

Из окопа выбежала группа из пяти солдат навстречу разведчикам. Раненого бойца взяли и понесли в окоп.

– У него живот прострелен, срочно врача, – крикнул кто-то из солдат.

Клим, запрыгнув в окоп, присел на корточки, начал глубоко и протяжно дышать, восстанавливая дыхание.

– Братец, моя фляжка пуста, дай воды попить, – обратился Клим к солдату.

Солдат протянул свою фляжку, Клим сделал несколько глотков и полил лицо. К нему, нагнувшись, по окопу подбежал майор Леденев.

– Здорово, брат, что так долго? Уже начал думать неладное.

– Нарвались на засаду, Гришка Блинов погиб, зацепил растяжку. Серегу вынес, надеюсь, оклемается.

– А задание?..

– Задание выполнено, позиции, боевые расчеты записаны, – достав листок из кармана, сказал Клим и протянул Леденеву.

Леденев, взяв листок, быстро пробежался взглядом по написанному.

– Ну ладно, остальное все рапортом оформишь. Да, и еще: приехали за тобой.

– Кто? – подозрительно спросил Клим.

К нему подошел капитан госбезопасности, протянув руку, представился. Клим ответил на рукопожатие.

– Сержант Климов.

– Сержант, у нас четыре часа на сборы, потом выезжаем на полевой военный аэродром.

– Куда отправляемся? – непонимающе спросил Клим.

– В город Саратов. Ну давай, сержант, готовься, дорогой все объясню.

Через четыре часа Клим был готов к отправлению. К нему подошел его командир и крепко пожал руку.

– Не говорю «прощай», век долгий, может, еще свидимся, – с теплой грустью сказал майор Леденев.

– Обязательно свидимся, – приободряюще ответил Клим.

– Уж не знаю, что там у них случилось, сказано одно – так надо.

– Береги себя, командир, – уважительно произнес Клим и сел в военный «пазик».

«Пазик», пробуксовывая, тронулся с места и помчался по грязи полевых дорог, из-за которой его изредка заносило по сторонам.

– Что пригорюнился, сержант? Скоро с родными увидишься, – сказал капитан госбезопасности.

– Зачем отозвали? – сухо спросил Клим.

– Чтобы ты работал по специальности, – ответил капитан. – Нужно водить поезда от Саратова к Сталинграду.

– От Саратова к Сталинграду нет железнодорожной ветки, – возмущенно произнес Клим.

– Теперь есть, – твердо ответил капитан госбезопасности. – И ты, машинист, будешь водить туда поезда.

Временный полевой аэродром, двадцать шесть километров к востоку от Ржева. Клим, выйдя из «пазика», спокойно огляделся. Его лицо выражало неприкрытое удивление тишиной и спокойствием, которые излучал аэродром. Через пару часов самолет был готов к вылету, и Клим, затушив сигарету, поднялся на борт. Расположившись поудобнее в кресле, он закрыл глаза, где впервые за долгое время мог позволить себе спокойно подремать.

Предполагалось, что из этой части фронта в город Саратов будет отправлено двадцать семь человек, а отправился лишь он один.

Глава 4. Возвращение домой

По лесной просеке сквозь деревья и кусты пробивалась немецкая самоходка. На полном ходу, выпрыгнув из холма как с трамплина, мощно, с громким звуком ударилась колесами о землю.

– Клим, может, спешимся? – сказал Гришка, один из троих разведчиков, сидевших в самоходке.

– Зачем, в кои-то веки не на своих двоих добираемся, – ответил Клим. – Да и к тому же наши на том берегу реки. А немцы свою технику не трогают.

Как только он это договорил, раздался мощный взрыв по правой стороне, и самоходку начало переворачивать. Из перевернутой машины выползли трое солдат.

– Ну вот, – откашливаясь, произнес Гришка, – не немцы, так свои пристрелят.

– Может, взят берег реки, – предположил Серега.

– Так, руки в ноги, пока еще разок не шмальнули, – осматриваясь, произнес Клим.

Пробравшись к берегу реки, солдаты увидели переправку наших войск.

– Вон группа прикрытия, из зенитки били. Там офицер командует, видишь, – негромко проговорил Гришка.

– Надо бы представиться, – сказал Клим.

Бойцы спокойно подошли, не вызывая никакого подозрения.

– Товарищ лейтенант, нам на тот берег надо.

– Кто такие, зачем? – произнес лейтенант, не увидев знаков различия, и через секунду добавил: – А, разведка. Сейчас идет выгрузка, помогайте разгружать, вот лодку освободите – на ней и на тот берег переправитесь, ясно?

– Так точно! – громко ответили бойцы.

Солдаты подошли к берегу реки.

– Здравия желаю, сестрички. Помощь нужна? – произнес Григорий.

– Нужна, еще как, мешки с лодки на берег вытаскивайте, – сказала одна из медсестер.

И бойцы принялись за работу.

– Какой знакомый говорок. Ты, наверное, с Волги, сестренка? – спросил Клим.

– Да, с Волги, город Вольск.

– А я с Саратова, – радостно ответил Клим, беря квадратный мешок из дальнего угла лодки.

– С этим аккуратнее, там инструменты, – указывала медсестра. – Подожди, я сама возьму.

Ступив на лодку, она потянулась к мешку и справа по борту увидела всплывшую мину, которую течением отнесло к берегу.

– Мина! – Что есть силы крикнула медсестра.

Клим только хотел обернуться посмотреть, как медсестра бросилась на него, прижав ко дну лодки. В момент падения раздался взрыв. Через несколько секунд Клим открыл глаза, картина постепенно прояснялась, но в ушах стоял еще звон.

– Все, сестренка, вставай, – сказал Клим, похлопав ее по спине.

Ответа не последовало. Он взглянул на руку, она была вся в крови, но боли он не чувствовал.

– Ты что, родная, вставай, вставай, – повторял Клим, приподнимая медсестру.

Приподнявшись, он увидел, что вся ее спина пробита осколками взорвавшейся мины.

– Сестренка, очнись, очнись! – неустанно повторял он.

Медсестра с трудом открыла глаза, потянулась к нагрудному карману своей гимнастерки.

Клим помог достать ей аккуратно сложенный лист бумаги. Медсестра только промолвила:

– Моей семье, – и закрыла глаза, ее дыхание остановилось.

Клим взглянул на свернутый листок. В верхнем углу была надпись: «Саратовская обл., г. Вольск. Нина Арсенева».

От удара шасси о взлетку Клим открыл глаза. Вспомнив приснившийся сон, он резко пришел в себя и нервно проверил карман, в котором лежало письмо той самой медсестры, которая спасла ему жизнь. И его долгом было отдать письмо ее семье.

– Ну что, проснулся? – прервал его размышления громкий голос капитана госбезопасности. – Нас ждет машина, готовимся к высадке.

Военный аэродром «Сокол», северо-запад Саратова. Выйдя из самолета, Клим невольно закрыл глаза и глубоко вдохнул, задержав дыхание. Вот она, волжская земля. Здесь даже дышится по-другому, подумал Клим, и душа его преисполнилась радости. Они вдвоем отправились к военному «пазику», который по накатанной дороге доставит их в до боли родной его сердцу город Саратов.

На подступах к городу было все перерыто, построены оборонительные рубежи. Пристрелянный глаз разведчика заприметил вдали замаскированные доты и дзоты. Дальше при въезде в город стояли полуразрушенные здания, в основном промышленные предприятия.

– Печальное зрелище, не правда ли? – произнес капитан госбезопасности. – Город бомбят с июня, пытаются вывести из строя промышленную инфраструктуру, станции, железнодорожные линии. Под бомбами гибнут люди, разрушаются жилые дома, общежития близ заводов.

В военкомате солдата поставили на учет как прибывшего в запас. Оформив все документы и передав письмо Нины Арсеновой по военной почте, Клим вышел на крыльцо. Закурив сигарету, наблюдая за происходящей суетой, он стал ожидать дальнейших распоряжений.

– Все, боец, – сказал капитан госбезопасности, крепко пожав руку солдату. – Сейчас в депо, сам доберешься? Просто дел по горло.

– Все нормально, дорогу знаю, – с легкой улыбкой ответил Клим.

Выйдя из дверей военкомата, он закинул вещмешок за спину и пошел бодрой походкой. Его переполняли огромная радость, тревога и волнение. Он думал лишь о ней, своей любимой, той, к которой хотел бежать что есть мочи. Первым делом лишь Первомайская, дом 17, квартира 3. Там жила она, Катерина. О ней он думал каждый день, проведенный в разлуке. Идя по дороге мимо знакомого парка, Клим заглядывался на разные растения, какие-либо травинки, издали похожие на цветы, и жадно срывал их, чтобы получился букетик.

У долгожданной двери с непреодолимым восторгом постучался. К его удивлению, дверь открыла незнакомая женщина.

– Вам кого, молодой человек? – в замешательстве спросила она.

– А... – растерянно пробормотал Клим. – Екатерина Вярцева здесь?

– Нет. Нас переселили полгода назад с эвакуационных территорий, квартира была пуста, когда въезжали, сейчас ордер на вселение покажу, – замешкалась женщина.

– Да не стоит, – грустно произнес Клим. – А прежние жильцы где? Вам известно?

– Нет, об этом никто не говорил.

Выйдя из подъезда, Клим медленно опустил голову, глядя на скромный букет в своей руке, и аккуратно положил его на скамейку. «Разберемся», – пробормотал про себя Клим, идя по дороге в депо.

Мысль о встрече куда-то постепенно уходила. И тут ему открылся совсем другой город. Не похожий на прежний, все как-то посерело. В зданиях школ и учебных заведений были организованы эвакуационные госпитали. Совсем не ходили трамваи, электричество подавалось с перебоями. По дорогам города ездила только военная техника.

И так, не спеша, смотря на незнакомую обстановку, он дошел до своего депо. Зайдя в отдел кадров, он бодро поздоровался.

– Здравствуйте! – звонким голосом сказал Клим.

Всмотревшись на него, кадровичка Ольга Степановна робко произнесла:

– Алексей? Точно, Климов! Ты как здесь?

– Отозвали, Ольга Степановна. Теперь буду трудиться в прежней должности.

– Это хорошо. Людей катастрофически не хватает, особенно машинистов, вас же долгое время готовить надо, обучать. Два месяца назад списки составляла по личным делам наиболее подготовленных специалистов. Ты ведь на фронт после закатки ушел, перед самым вступлением в должность. Очень рада, Леш, что живой-здоровый. Держи обходной, Владимир Платонович здесь, иди оформляйся.

Из отдела кадров Клим направился напрямиком к начальнику депо.

– Здравия желаю, Владимир Платонович, разрешите встать в строй.

– Климов? – окинул его взглядом Владимир Платонович.

– Так точно!

– Сколько вас? Сегодня всех надо оформить, завтра уже в поездку.

– Только я, – тихо ответил Клим, невольно опустив глаза.

– Один?! Только для нашего депо по телеграмме должно быть семнадцать!

Начальник изменился в лице и нервно закурил.

– Давай «обходной». Сейчас к инструктору – и в наряд. Тебе одна поездка помощником, и оформляешься машинистом.

– Как, так сразу? – растерянно произнес Клим.

– А в чем проблема? Ты обученный специалист, прошедший закатку. Поездка тебе, чтоб паровоз вспомнил, и все.

– Ну а профиль пути? Подзабыл малость, а это дополнительный расход угля и воды на паровозе.

– Ничего, этот профиль никто не знает, будем ездить по режимкам. Открыли новую ветку в сторону Сталинграда. В декабре 1941-го стало понятно, что война будет затяжной. Битва за Москву расставила свои приоритеты. Немец изменил свое направление, устремившись на юго-восток страны. Это предвидели. И в Ставке командования нашлись товарищи, убедившие Сталина в строительстве железнодорожной ветки вдоль волжской воды. В январе 1942-го был запущен проект под названием «Волжская рокада». Железнодорожный путь, около тысячи километров, от станции Свияжск (это под Казанью) через Ульяновск, Сызрань, Саратов, Иловлю (рядом со Сталинградом). Материалы для строительства рокады по большей части были сняты с участков [БАМа](#), строительство которого было начато ещё в 1930-е годы. Это основной путь снабжения войск для битвы за Сталинград. – Подойдя к карте, Владимир Платонович продолжил: – Вот, смотри, Алексей. Путь от Саратова до Сталинграда – четыреста километров. Задача нашего депо – организовать бесперебойное движение до станции Петров Вал. А это двести километров с промежуточной стоянкой на станции Карамыш для экипировки паровоза углем и водой. Задача непростая, если учесть, что перевозки будут осуществляться под бомбами немецкой авиации. Война, отчаянное время, отчаянные меры. Паровозные бригады на казарменном положении, но для тебя сегодня сделаем исключение как для вновь прибывшего. Повидайся с родителями, с родными и будь готов. Теперь ступай.

Пройдя всю процедуру оформления, Клим пошел домой с надеждой, что мать не на работе и встретит его. Тихо скрипнув дверь, он зашел в свой дом. С кухни доносились какие-то звуки. Его мать Мария Филипповна, что убирала дом, разожгла буржуйку, на которой в дальнейшем планировала готовить ужин.

– Здравствуй, мама, – затаив дыхание, произнес Клим.

Женщина замерла и через секунду быстро повернулась:

– Леша, как же, Леша!

Крепко обнявшись, они стояли молча несколько минут. И только слезы радости и счастья в их глазах говорили вместо них.

– Ну ладно тебе, мам, видишь, живой-здоровый, все хорошо.

– Вижу, вижу, – утирая глаза, мокрые от слез, неустанно говорила женщина.

– Все, мам, отозвали меня, здесь трудиться буду. В депо уже был, завтра в поездку.

– Приехал, родной, приехал, – все продолжала радостно причитать мать.

– А отец что, в дневную смену?

– Нет, в ночную, но и полдня захватывает. Вырабатывают под двести процентов нормы – за себя и за фронтовых. Да и еще тут авиацией цеха разбомбили, пришлось восстанавливать, и все своими силами. Можно сказать, живет на работе.

– До завтра, может, свидимся, а нет – так приеду. Теперь все же дома, – пытаюсь отвлечь мать от переполнявших эмоций, говорил Алексей. – Слушай, мам, я к Кате заходил, там другие люди живут. Куда они переехали, знаешь?

– Да что мы стоим, присаживайся, чаю попьем, сейчас картошка будет, – уходя от темы, начала хлопотать Мария Филипповна.

Алексей стал располагаться, вынул из вещмешка свои вещи, умылся и вновь задал вопрос.

– Мам, так что с Катюшей? Знаешь, куда переехали? – уже более настойчиво спросил Алексей.

– Отца ее перевели в другой город, и она с ним поехала, – накрывая на стол, начала говорить Мария Филипповна. – Не оставаться же ей одной. Если не ошибаюсь, в феврале это было.

– Да... и куда? – сделав глоток чаю, с интересом спросил Алексей.

– В Сталинград.

– Куда?! – не поверив своим ушам, громко крикнул Алексей. От переживаний он встал из-за стола и стал нервно ходить по кухне.

– Ну кто же знал, что все так обернется и немец в нашу сторону пойдет.

– Кто знал, что война будет, – ответил ей на это Алексей.

Весь день до поздней ночи, до самого сна он думал только об одном: «Родная моя, куда же тебя занесло!...»

19 августа 1942 года при массовой поддержке авиации 6-я армия Паулюса нанесла удар в северном направлении Сталинграда. 23 августа немцы подвергли город ожесточенной бомбардировке, было совершено около двух тысяч самолето-вылетов. Впоследствии маршал Советского Союза А. И. Еременко писал:

«Многое пришлось пережить и перевидеть на военных дорогах, но то, что я увидел 23 августа в Сталинграде, поразило меня. Город горел, он был чудовищно разрушен. Но в то же время он демонстрировал силу советских людей, их стремление во что бы то ни стало одолеть врага».

25 августа в Сталинграде было объявлено осадное положение. В каждом районе города были созданы чрезвычайные комиссии. Обстановка осложнялась с каждым днем, враг переправил за Дон большие силы. 2—12 сентября шли ожесточенные бои на внутреннем обводе обороны города. Враг стоял в четырех километрах от центра города.

В такой обстановке требовалась четкая организация обороны и быстрая, своевременная передача информации по оборонительным позициям. Каждая огневая точка посредством полевой связи была соединена с узлом связи комитета обороны города. Именно этот узел производил прием данных и передачу приказов по боевым действиям. И здесь несла свою службу младший сержант Вярцева Катерина, обеспечивая связь командного пункта с передовой.

Ее отец, Петр Матвеевич, когда-то долгое время работал в Сталинграде. Сначала дежурным по железнодорожной станции, затем начальником вокзала. Он был родом из этих мест и очень хорошо знал город и его окрестности. Поэтому он и был переведен на столь важный участок незадолго до боевых действий, также он входил в состав штаба обороны города.

Когда Кате было девять лет, ее мама тяжело заболела. И Петр Матвеевич перевелся в Саратов, поближе к родителям жены. Но и это не спасло от печального конца, вскоре она умерла. С тех пор Петр Матвеевич с особым трепетом относился к дочери. Но с июля 1942 года одна мысль не покидала его, более того, она убивала его изнутри. Он дал себе обещание во что бы то ни стало оберегать Катерину, а получилось все наоборот. Вопреки воли дочери он взял ее с собой в Сталинград, чтобы она была под присмотром. Спустя время оказалось, что он привел ее в пекло войны.

Глава 5. Старые товарищи

С утра мысли о Кате никуда не ушли. Алексей просто думать не мог о чем-либо другом. Но дело есть дело, надо собираться в поездку. В кладовой комнате Клим отыскал свою старую рабочую шарманку – сумку, с которой ходил на работу, и она навеяла добрые воспоминания о былых поездках. Постепенно стал пробуждаться рабочий настрой. Собирался он всегда молча, погрузившись в процесс. Родители его знали об этом и поэтому никогда не задавали пустых вопросов, которые он в любом случае оставил бы без ответа. А как иначе, ведь нужно было ничего не забыть: собрать необходимую рабочую документацию, положить спецодежду, проверить техническую аптечку. Также необходимо взять с собой в дорогу пищу, чай и сигареты. Словом, паек, который позволит продержаться двое суток. Но вопреки всему хотелось все бросить и сорваться к своей любимой. Он как никто другой знал, что такое осажденный город, в котором идут уличные бои. Ведь память о сражении за Калинин останется у него навсегда.

Ближе к обеду раздался стук в дверь. Это был «вызывной», работник депо, ставивший в известность паровозные бригады о времени явки на предстоящую поездку.

– Климов Алексей? – обратился с вопросом мужчина через порог квартиры.

– Да, – спокойно ответил Клим.

– Явка на восемнадцать.

– Понятно, – произнес Клим, закрывая дверь.

На явку, на работу приходили не ко времени, а намного раньше. За час, а то и за два. Перед началом работы нужно пройти предрейсовый медосмотр, чтобы фельдшер подтвердил твою готовность к работе, по завершении ставилась печать в «маршрут машиниста» – документ установленного образца, куда заносятся все данные о поездке. Потом дежурным инструктором депо проводится предрейсовый инструктаж.

Вот такой порядок, а каждый порядок формирует традиции. По традиции паровозные бригады собирались в курилке минут на пятнадцать-двадцать. Именно там можно было услышать все недавние новости. В основном рассказывали, как проходили поездки, какие у кого случались неисправности и как из них победоносно выходили. Если задуматься, эти беседы напоминали технические занятия, только в непринужденной, доброй атмосфере без надзора со стороны начальства.

По распоряжению инструктора Клим поставили на поездку в бригаду к его бывшему машинисту, с которым он работал и который производил его закатку, передавал опыт вождения поездов.

Из «брехаловки» (так называли местную курилку) раздавался громкий голос Иваныча.

– Здорово, Иваныч, – бодро произнес Клим.

– Лешка! Здорово, брат, – радостно крикнул Иваныч.

Они крепко пожали друг другу руки и обнялись, как старые приятели.

– Да, посмотри, как время летит, как будто вчера с поездки приехали, – и тут Иваныч на секунду запнулся, и вид его стал серьезен. – Вот только, брат, глаза у тебя стали намного старше.

– Говорят, ветка новая, уже ездил кто? – перебил Клим, стараясь быстро сменить тему.

– Только до ближайших разъездов с целью строительства, а так мы открывать будем.

– Кочегаром кто поедет? – поинтересовался Алексей.

– Мишка Рябов. Да ты его знаешь, слесарем в депо работал, рыжий такой.

– Да, что-то припоминаю.

– Слесари почти все в поездах. Кто кочегаром, кто помощником поехал. А бывших помощников в скором порядке закатали. Ну а как по-другому? – Посмотрев по сторонам и недовольно взглянув на часы, которые он перед рейсом всегда сверял с часами дежурного по

депо, Иваныч нервно сказал: – Сколько раз ему говорил – приходи пораньше, а если паровоз водой снабжать?

Когда подошел кочегар, бригада в полном составе пошла на явку. После зашли в зал проведения инструктажей. Всего к этому времени было вызвано шесть паровозных бригад. Дежурный инструктор, который также являлся инструктором колонны, где числился Клим, уже был на рабочем месте. Он с невозмутимым видом заполнял нормативные документы. Рядом с ним за столом сидел политрук, по всей видимости, недавно назначенный, потому что Клим видел его в первый раз. Бригады, пройдя в зал, расселись по местам.

– Здравствуйте, – сказал Валерий Петрович, обращаясь к бригадам. – Перед тем как начнем, слово Валентину Борисовичу.

– Здравствуйте, товарищи! – встав, начал свое выступление Валентин Борисович. – Как известно, железнодорожный транспорт называют родным братом Красной армии. Связь фронта с тылом зависит от прочных коммуникаций, которые советские железнодорожники обеспечивают своим самоотверженным трудом, выполняя перевозки в любых условиях. Для более четкой организации движения поездов и выполнения эксплуатационной работы депо переведено на военно-эксплуатационный режим. Это означает, что на вас распространяются уставы и законы, действующие в Красной армии.

Зачитываю вам приказ от 28 июня 1942 года за номером 227.

«Ни шагу назад.

Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется вглубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа.

Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа из Москвы, покрыв свои знамена позором.

Каждый командир, каждый красноармеец и политработник должны понять, что наши средства не безграничны. Территория Советского Союза – это не пустыня, а люди – рабочие, крестьяне, интеллигенция, – наши отцы и матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, – это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги.

После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало меньше территорий, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более семидесяти миллионов населения, более восьмидесяти миллионов пудов хлеба в год и более десяти миллионов тонн металла в год. У нас нет уже преобладания над немцами ни в людских ресурсах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо, если не прекратим отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас значит обеспечить за нами победу.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно явиться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.